

Воскресенье литературы

1942 год

Солдаты бодрости не чувствуют. Ее чувствуют здоровые, розовощие люди из штабов, которые через день бреются и меняют воротники на гимнастерке. Эти люди пишут бумаги, обедают в столовых, пугаются каждого самолета, подымают панику при каждом удобном случае, в остальное же время полны бодрой воинственной активности.

Сражаются больные, изнуренные и грязные неврастеники с обмороженными носами, усталым взглядом, и такие слабые, что их может осилить ребенок. Здоровые толстые бодрые люди пишут бумаги, посыпают других в бой и достают обмундирование в военторгах.

1949 год

Литературная бездарность идет от жизненной бездарности. Ну, а как же с людьми нетворческими? Так эти люди и не жили. Действительность обретает смысл и существование лишь в соприкосновении с художником. Когда я говорю о том, что мною не было записано, мне кажется, что я вру...

3 ноября 1951 года

Сегодня я с удивительной силой понял, как страшно быть неписателем. Каким непереносимым должно быть страдание нетворческих людей. Ведь их страдание окончательно, страдание «в чистом виде», страдание безысходное и бессмысличное, вроде страдания животного. Вот мне сейчас очень тяжело, но я знаю, что обо всем этом когда-нибудь напишу. Боль становится осмыслившейся. А ведь так только радость имеет смысл, потому что она радость, потому что — жизнь. Страдание, боль — это прекращение жизни, если только оно не становится искусством, то есть самой концентрированной, самой стойкой, самой полной формой жизни.

Как страшно все быть непищущим человеком. Каждый его поступок, жест, ощущение, поездка на дачу, измена жене, каждое больше или маленькое действие в самом себе исчерпывает свою кулоузу жизни, без всякой надежды продержится в вечности.

Жуткая призрачность жизни непищущего человека...

1952 год

Человек стареет только от несчастий. Не будь несчастий, мы жили бы до ста лет. Эти дни я чувствую себя таким безнадежно старым, что плакать хочется. Самое тяжелое во всех настоящих несчастиях — это необходимость жить дальше. Самый миг несчастья не столь уж невыносим. В боли, в муке, в слезах все же испытываешь какой-то подъем. Отсюда наше постоянное словенное удивление: он-де замечательно держался, Но он держался, это натянувшаяся нервами его держали. Но вот наступают будни, а с ними и подлинная тяжесть беды. Тогда-то и становится страшно.

1954 год

После многочисленных рукопожатий на съезде ладони пахли, как пятка пологата (у всех нечистые и потные от возбуждения руки).

Через столько веков в Грановитой палате вновь разыгрывались дикие картины местничества. Только вместо Буйновых и Лыкиных, Пожарских и Долгоруких драли друг другу за бороду, плевали в глаза братья Тур и Михалков, Полевой и Габрилович.

Не забыть, как мы вскакивали с рюмками в руках, покорные голосу невидимого существа, голосу, казалось, принадлежавшему одному из тех суровых святых, что взирали на нашу丑陋ое пищество со стен Грановитой палаты. Покорные этому голосу, мы пили и с холуистством, которое даже не могло быть оценено, растягивали рты в улыбке. (Основной банкет шел в Георгиевском зале, и нам он транслировалась по радио).

Визит к П. Нилину, 1955 год

Он был в буфете с распахнутым воротом. Вся шея и спина, насколько мне было видно, усеяны нарости, как у итиозавра. Да он и вообще со своей парализованной ногой, из-за которой не ходит, а как-то влячиняется, поглазел с перевальщиком, со своим огромным туловом и отвисшей мордой похож на догочное пресмыкающееся.

После бреда кривой болтовни, теплый прощальный разговор в голове садике, окружающем заплесневелые коттеджи.

— Вступайте, старик, в партию! Вы будете крепче чувствовать себя на ногах, чувствовать локоть товарищей. У нас умная и горячая организация. Вот мы исключили Толю Сурова. Я ему говорю: подлец ты, мать твою так, что ж ты наделал? Выйди, покажись перед товарищами от всего сердца, а начтай по бумаге, подонок ты несчастный! Так хорошо, человечески ему сказал, а он вышел и стал по бумаге шпарить. Ну, мы его единогласно вышибли.

Из-за этого я никогда не пожалею!

1958 год

Был на похоронах Шенкена, с которым познакомился с полгода назад. Панихида скрыла, поэтому народу было мало. Впрочем, не так уж мало, если принять во внимание всеобщее охамление, равнодушные и его долгу опалу. Когда выносили гроб-перевозку от улицы Войнова на набережную.

Невы был запружен толпой. Ленинградские писатели, выглядевшие так, что печальное торжество напоминало похороны в багдадельне. У всех лица пойманы с поличными негодяев, на плечах лохмотья. Было два выходца с того света: актер Мегров и

его жена. Они приплелись с Каменного острова, из Дома ветеранов сцены. У него штаны подшины вину из сатином, вместо галстука — веревка, грязные сальные волосы ложатся на плечи всей тяжестью перехода, лицо трупа.

В ближайшие дни на прилавках книжных магазинов появится второе, дополненное и сверенное издание «Дневника Юрия Нагибина. В настоящее издание помимо основного «Дневника» вошли воспоминания о Галиче и очерк о Мандельштаме, неразрывно связанные с «Дневником», а также дается указатель имен, помогающий яснее представить круг знакомств и интересов Нагибина. Чтобы увидеть дневник опубликованным при жизни, Юрий Маркович снабдил его авторским предисловием, объясняющим это смелое намерение. В данном издании я поместили свое эссе «Нагибин», в котором также излагаются некоторые сведения о появлении «Дневника» на свет и о самом Ю. М. Нагибине. Через несколько дней после того, как Нагибин передал мне рукопись, его не стало. Смерть роковым образом вмешалась в судьбу писателя, как бы холодно говоря, что дневник при жизни нужно хранить в столе. Перед нами своеобразная автобиография Юрия Марковича Нагибина (1920—1994), носящая глубоко исповедальный характер. Предлагаю читателям «Вечерней Москвы» фрагменты из новой книги. «Дневник» можно будет купить в оптово-розничном магазине «У Сытина» (Пятницкая, 73), тел. 230-89-00.

Юрий КУВАЛДИН,
директор издательства «Книжный сад», писатель

Ю. Нагибин с женой Аллой Григорьевной

Зенченко отказалась хоронить на «Литераторских мостках», по этому поводу вспомнили похороны Пушкина, также происходившие втайне. Зенченко тоже хотела хоронить в Есенинске. Было много беспокойств. У гроба Александра Прохоровича затянулся спор о том, был ли Зенченко предателем Родины или нет.

Жалкая, худенькая жена; жалкий, очень похожий на него сын, глупо и растяженно улыбающийся; жена сына — типичная кондукторша. Когда усаживались в головной автобус, она кричала что-то напоминающее: «Граждане, местов свободных нет!»

29 сентября 1964 года

Странно, что смерть этого лета я ощущаю несравненно острее и печальнее, чем смерть Михаила Светлова, приключившегося вчера. А ведь я знал его, пил с ним, принимал у себя дома, лю-

1965 год

Пречусь за сценарии и заявки на сценарии, за рецензирования рукописей и совещания от болезни Я. С. (Яков Семёнович Фыкачев, отчим — Ю. К.), от страха за маму, от страха смерти.

И водка, эти мои нынешние дела — явления одного порядка: только бы спрятаться от действительности, от себя. А писать даже мои жалкие рассказы — это иметь дело с жизнью, а значит, и смертью.

31 декабря 1965 года

Кончается странный 1965 год. Подведем короткие итоги в сугубо личном плане. Начался год похоронной историей с запрещением «Председателя», кончился — позорным изгнанием меня из списка представляемых к Ленинской премии. В промежутке было много всякой дряни вокруг картины. Но одно все же состоялось: я связал свое имя с лучшей поэзией картины. Теперь история советского ки-

**По многочисленным
просьбам подписчиков
«Вечерки»,
не сумевших купить
распространяемый
только в розницу
воскресный номер «ВМ»
за 3 марта, повторяем
этую публикацию.**

1961 г. На даче

но читается так: от «Броненосца «Потемкина» до «Председателя», это все-таки кое-что.

Болезнь Якова Семёновича, ужасная и бессмысличная гибель Урбанского (Е. Я. Урбанский, снимавшийся в главной роли в фильме «Директор», реж. А. А. Салтыков, автор сценария Ю. М. Нагибин, погиб на натурных съемках — Ю. К.), разжалование Салтыкова в рядовые, сказочная поездка с Калатозовым по Норвегии, Швеции, Австрии, Италии, сказочная поездка Геллы во Францию, наша долгая скора, с которой что-то-то кончилось в наших отношениях, Ленинград, Псков, Пушкинские горы, да и этого еще весенняя охота, Бельгия и Люксембург, выход новой и хорошей книги — нет, скучна не приходилось.

Этот год — переломный в моей жизни. Впервые я сам почувствовал, что мой характер изменился. Я стал куда эзде, суще, тверже, мстительнее. Во мне убивались добродетели, щедрости, умения прощать. Угнетают злые, давящие злые мысли на прогулках, в постели перед сном. Меня уже никто не может глубоко растрогать, даже собаки. Наконец-то стала отыгрываться обиды, многолетняя затрепленность, несправедливость всех видов. Я не рад этой перемене, хотя это легче будет встретить смерть близких и свою собственную. Злоба плоха тем, что она обесценивает жизнь. Недаром же я утратил былую пристальность к природе. Весь во власти мелких дрожданий, злобных счетов, я не воспринимаю добро-дурь деревьев и снега.

В определенном смысле я подожду сейчас наиболее печальных итогов за все прожитые годы. Хотя внешне я никогда не был столь благополучен: отчим и отставший дачу, выпустил много книг и фильмов, при деньгах, все близкие живы. Но дьявол овладел моей душой. Я потерял в жизненной борьбе доброту, мягкость души. Это самая грустная потеря из всех meiner, и вот об этом я не мог не написать, перед тем, как ехать на встречу Нового года...

1963 год

Корябание первое доставляет радость, но если и это уйдет, тогда конец. Надо держаться за слово, как за спасательный круг, иного ничего не осталось. Идеи, мысли — чепуха; реальны лишь слова, их порядок, рождающий жизнь. Недаром же из всей беллетристики я могу перечитывать лишь Бунина. В подавляющем большинстве своих вещей он меня ничему не учит, ни в чем не убеждает, не обращает в свою веру, — да и у него нет ее, — а просто дает дышать сеном, травой, женщиной, видеть звезды, тучи, деревья, бедных одиноких людей. Это серьезно, все остальное — подтеки, лакейство перед временем и его «проблемами», называвшие уже не стоящими и юлками. Так, из раздражения можно погнать в идеи, но литература всерьез — это радостный план о прекрасном и горестном мире, который скоро приходит покинуть.

18 мая 1969 года

Третью для приступов на читке своей пьесы в театре «Ромэн». Мои бывшие дружки-забудильцы остепенились. Чавалэ — все члены партии: Сергея Золотарева — член партбюро, а Сличенко — так и все секретарь партийной организации. Среди этих солидных, прочно стоящих на земле людей я выглядел каким-то кочевником.

Сходное чувство я испытываю в Доме литераторов, Доме кино, Союзе писателей. Все в чинах, все при должностях, наградах и акселбантах, у всех взрослых, уклончивые, хмурые и хитрые морды. На меня поглядывают сверху вниз, почти как на неудачника. А как же иначе! Мне — пятьдесят, а никакой власти, и за плечами ни одного основательного поступка в виде доноса, предательства, унижения ближнего. Несолидно, Юрий Маркович, очень несолидно!..

1975 год

Успех Михалкова, Симонова, даже такой мелочи, как Юlian Семёнов, понятен, закономерен и обод-

ральным взглядом: мол, попробуй скажи, что тебе не нравится. Но это никому и в голову не приходило. Всем нравилось, все любили Сашу и восхищались им. Я тоже восхищался... не пытаясь ничего оценивать, Сашиной смелостью, едким сарказмом и болелью за униженных и оскорбленных.

Быть может, все обищлось, больше всего старался в своем неизменном благородстве Саша. Ему Булат не мог отказать. И вот уже последний троллейбус плывет над Москвой, верша по бульварам кружение...

Собрание не участвовало в том вздохе — стоне души, который вырывался из меня, едва замолк голос певца.

— Боже мой, как хорошо!..

— А вы не кричите! — перекосив лицо ненавистью, заорала хозяйка дома. — За стеной люди спят!..

— Нет элементарного такта, — свистящим шипом поддержал Сашину поклонница. — В чужом доме!.. Какое хамство!..

Это было так дико по невоспитанности, злобе и несправедливости: и Булат, и особенно Саша рождали куда больше шума, никого не тревожившего за толстыми ленинградскими стенами, что я растерялся, съехался и не нашел ответа. Мне казалось, что Саша должен осадить их, но он промолчал. Видимо, окончательно понял по моему невольному приговору, что его муз мне чуда, и, как говорится, умыл руки. Больше он никогда не пел в моем присутствии.

Когда Владимира Войновича, недавно гостившего в Москве, спросили на телевидении тоном жесткого утверждения: вы, конечно, любите Галич? — он, отвечавший до этого тоже жестко и решительно да агрессивности, вдруг смущился и промямлил, что любил, «как и все тогда», Окуджаву... Но да... конечно, он хорошо относится к Галичу...

Отвлекусь на вдруг мелькнувшую мысль: почему можем любить Толстого и Достоевского, Чехова и Бунина, Мандельштама и Пастернака, Леонардо и Рафаэля, Пруста и Джойса, но нельзя любить Козловского, если любишь Лемешева, Доминго, если любишь Паворотти, Тибальди, если любишь Каллас. Исключения бывают, но крайне редко. Может быть, пение действует на какие-то ментальные или чувственные центры, что исключает совместительство, как истинная любовь-страст?

Я, как и Войнович, пусть он моложе меня, человека эпохи Окуджавы. Моя любовь к нему не умешилась и сейчас, хотя я стал куда восприимчивее и открыл другому пению. В том числе песням Галича, слушая их с огромным удовольствием. Кажется, я могу объяснить, в чем дело.

Недавно мне дали прочесть рукопись мемуарной книги одного умного и одаренного журналиста-ученого (надеюсь, рукопись эта станет книгой), где он пишет о своей потрясенной Галичем в те самые годы, о которых речь идет у меня. Человек шестидесятых годов, он говорит, что любил Окуджаву, но не знал Галича и отнял эту любовь. Ибо Булат Окуджава, при всем его таланте и обаянии, выфактается символом, порой не до конца ясным (черный кот, который в усы усмешку прячет), а Галич все называет впрямую, своими именами. Его гражданское чувство, мол, куда сильнее и действеннее.

Это локальная проблема: Окуджава — Галич. Когда вышел фильм «Покаяние», его многие не признали за иносказательность, «замаскированность» героя. Надо было делать фильм впрямую о Сталине, а не размывать образ: то ли Сталин, то ли Берия, то ли какой-то диктатор местного

чательно держался. Не он держался, это настолько же
сия нервы его держали. Но вот наступают будни, а с
ними и подлинная тяжесть беды. Тогда-то и станови-
вится страшно.

1954 год

После многочисленных рукопожатий на съезде
ладонь пахла, как пятка полотна (у всех нечистые и
потные от возбуждения руки).

Через столько веков в Грановитой палате вновь
разыгрывались дикие картины местничества. Только
место Бунинских и Лычниковых, Пожарских и Дол-
горуковых дали друг дружку за бороду, плевали в гла-
зах брата Туя и Михаилов, Полевой и Габрилович.

Не забыть, как мы вскакивали с рюмками в руках,
покорные голосу невидимого существа, голосу, ка-
зались, принадлежавшему одному из тех суровых
святых, что взирали на наше убогое природство со
стен Грановитой палаты. Покорные этому голосу,
мы пили и с холмистым, которое даже не могло
быть оценено, расстигивали рты в улыбке. (Основной
банкет шел в Георгиевском зале, и нам он трансли-
ровался по радио).

Бизит к П. Нилину, 1955 год

Он был в рубашке с распахнутым воротом. Вся
шеля и спина, насколько мне было видно, усыны на-
ростами, как у ихтиозавра. Да он вообще со своей
парализованной ногой, из-за которой не ходит, а
как-то вляется, попазает с перевальщиком, со своим
огромным туловом и отвисшей мордой похож на до-
потопную пресмыкающуюся.

После бреда кривой болтовни, теплый прощаль-
ный разговор в голом садике, окружающем заплес-
невельные коттеджи.

— Вступайте, старик, в партию! Вы будете крепче
чувствовать себя на ногах, чувствовать локоть това-
рищей. У нас умная и горячая организация. Вот мы
исключили Толю Сурова. Я ему говорю: подлец ты,
мать твою так, что же ты наделал? Выйди, покайся
перед товарищами от всего сердца, а на чайт по
бумажке, поднон ты несчастный! Так хорошо, по-
человечески ему сказал, а он вышел и стал по бу-
мажке шпарить. Ну, мы его единогласно вышвырну-
ли. Вступайте, старик, не пожалеете! А как хорошо
было с Лениным Коробовым, он на коленях попал,
просил не исключать. Я сказал: ты преступник Ленин,
но пусть кто другой, но я, первым кинет в тебя ка-
мень. Он рыдал. Оставил, ограничились строгано-
м с последним предупреждением... Вступайте, обяза-
тельно вступайте, старик!.. Вот скоро Мишу Бубен-
кова будем отдававать под суд. Знаете Мишу? Сиби-
ричек, талант, но преступник. Скоро мы его исключи-
шим и под суд, настоящий, уголовный, туда ему и
дорога. Вступайте, старик, в партию.

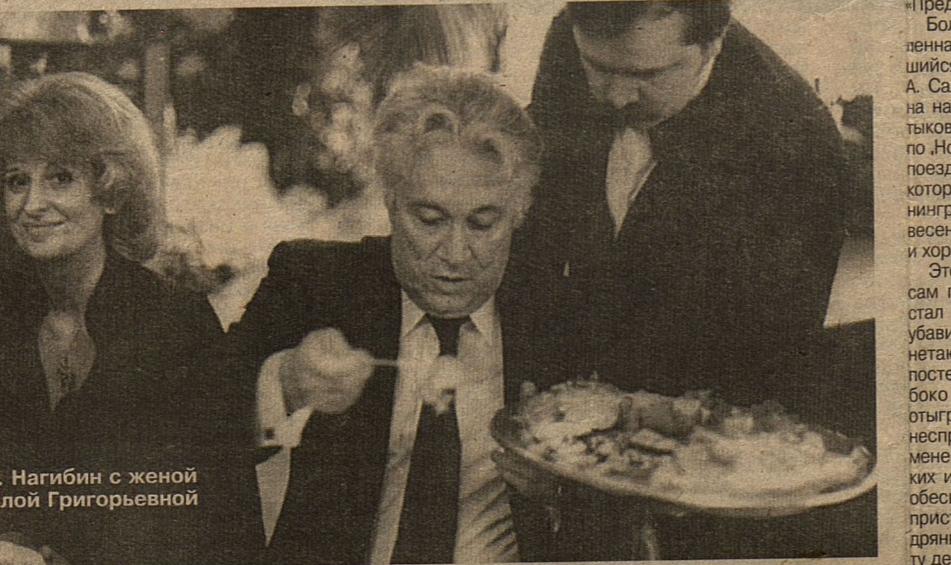
1958 год

Был на похоронах Зощенко, с которым познакоми-
лся с полгода назад. Панихиду скрыли, поэтому
народу было мало. Впрочем, не так уж мало, если
принять во внимание всеобщее охамление, рав-
нодушие и его долгу опалу. Когда выно-
сили гроб, перепул от улицы

Войнова на набережной
Невы был запружен тол-
кой. Ленинградские
писатели выглядели
так, что пе-
чально торжес-
твствовало
похороны в
богадельне. У
всех лица пой-
манные с по-
личным негоди-
ем, на плечах
лохмотья. Было
два выходца с
того света: ак-
тер Мгебров и

что дневник при жизни нужно хранить в столе.
Перед нами своеобразная автобиография Юрия Марковича Нагибина
(1920—1994), носящая глубоко исповедальный характер.
Предлагаю читателям «Вечерней Москвы» фрагменты из новой книги.
«Дневник» можно будет купить в оптово-розничном магазине
«У Сытина» (Пятницкая, 73), тел. 230-89-00.

Юрий КУВАЛДИН,
директор издательства «Книжный сад», писатель

Ю. Нагибин с женой
Аллой Григорьевной

1961 г. На даче

но читается так: от «Броненосца «Потемкина» до «Председателя», это все-таки кое-что.

Болезнь Яковы Семеновны, ужасная и бессмысличная гибель Урбанского (Е. Я. Урбанский, снимавшийся в главной роли в фильме «Директор», реж. А. А. Салтыков, автор сценария Ю. М. Нагибин, погиб на натурных съемках. — Ю. К.), разжалование Салтыкова в рядовые, сказочная поездка с Калатозовым по Норвегии, Швеции, Австрии, Италии, сказочная поездка Геллью во Францию, наша долгая ссора, с которой что-то кончилось в наших отношениях, Ленинград, Псков, Пушкинские горы, а до этого еще весенняя охота, Бельгия и Люксембург, выход новой и хорошей книги — нет, скучать не приходило.

Этот год — переломный в моей жизни. Впервые я сам почувствовал, что мой характер изменился. Я стал куда злее, сущее, тверже, мистильнее. Во мне уставились добродетели, щедрости, умения прощать. Угнетающие злые, давшие злые мысли на прогулках, в постели перед сном. Меня уже никто не может глубоко растрогать, даже собаки. Наконец-то стали отыгрываться обиды, многолетия затраченности, несправедливость всех видов. Я на рад этой перемене, хотя так легче будет встретить смерть близких и свою собственную. Злоба плоха тем, что она обесценивает жизнь. Недаром же я утратил былью пристальность к природе. Весь во власти мелких, дрянных, злобных счетов, я не воспринимаю добро-
ту деревьев и снега.

В определенном смысле я подвожу сейчас наиболее печальные итоги за все прожитые годы. Хотя внешне я никогда не был столь благолепен: отстал и обставил дату, выпустил много книг и фильмов, при деньгах, все близкие живы. Но дьявол овладел моей душой. Я потерял в жизненной борьбе доброту, мягкость души. Это самая грустная потеря из всех потер, и вот об этом я не могу не напи-
сать, перед тем, как ехать на встречу Нового года...

1965 год

Прячусь за сценарии и заявки на сценарии, за рецензирование рукописей и совещания от болезни Я. С. (Яков Семенович Рыбаков, отл. — Ю. К.), от страха за маму, от страха смерти.

И водка, и эти мои нынешние дела — явления од-
ного порядка: только бы спрятаться от действитель-
ности, от себя. А писать даже мои жалкие рассказы —
это иметь дело с жизнью; а значит, и смертью.

31 декабря 1965 года

Кончается странный 1965 год. Подведем корот-
кие итоги в сугубо личном плане. Начался год похо-
ронной историей с запрещением «Председателя»,
кончился — позорным изгнанием меня из списка
представляемых к Ленинской премии. В промежутке
было много всякой дряни вокруг картины. Но одно
все же состоялось: я связал свое имя с лучшей по-
левенной картиной. Теперь история советского ки-
ниа, напоминающее: «Граждане, mestov свободных
нэт!»

29 сентября 1964 года

Странно, что смерть этого лета я ощущаю не-
сравненно острее и печальнее, чем смерть Михаила
Светлова, приключившуюся вчера. А ведь я
знал его, пил с ним, принимал у себя дома, лю-

1967 год

Корябание первом еще доставляет радость, но ес-
ли и это уйдет, тогда конец. Надо держаться за слово,
как за спасительный круг, иного ничего не остает-
ся. Идеи, мысли — чепуха; реальны лишь слова,
их порядок, рождающий жизнь. Недаром же из всей
беллетристики я могу перечитывать лишь Бунина. В
подавляющем большинстве своих вещей он меня
никому не учит, ни в чем не убеждает, не обращает
в свою веру, — да у него и нет ее, — а просто дает
дышать сеном, травой, женщиной, видеть звезды,
тучи, деревья, бедных одиноких людей. Это серьезно,
все остальное — поденки, лакейство перед време-
нем и его «проблемами», назавтра уже не стоя-
щими и югейки. Так, из раздражения можно поиг-
рать в идеи, но литература всерьез — это радостный
плач о прекрасном и горестном мире, который
так скоро приходится покинуть.

18 мая 1969 года

Третьего дня присутствовал на читке своей пьесы
в театре «Роман». Мои бывшие друзья-загулдыги
остепенились. Чавалэ — все члены партии: Сергея
Золотарева — член партбюро, а Сличенко — так и во-
все секретарь партийной организации. Среди этих
солидных, прочно стоящих на земле людей я выгля-
дел каким-то кочевником.

Сходное чувство я испытываю в Доме литераторов, Доме кино, Союзе писателей. Все в чинах, все
при должностях, наградах и аксельбантах, у всех
взрослые, уклончивые, хмурые и хитрые морды. На
меня поглядывают сверху вниз, почти как на не-
удачника. А как же иначе! Мне — пятьдесят, а никакой
власти, и за плечами ни одного основательного
постука в виде доноса, представителя, уничтожения
ближнего. Несолидно, Юрий Маркович, очень несолидно!..

1975 год

Успех Михаила Симонова, даже такой мелочи, как Юлиан Семенов, понятен, закономерен и обод-
ряющical для окружающих. Таланта почти не нужно, но
нужна решимость на любую пакость, причастность
«святому делу сыска», неоглядный подхалимаж и
бесподобность в достижении поставленных целей.
Этими качествами, включая, разумеется, склонность
дарования, наделены почти все лица, жаждющие
преуспеть на ниве искусств. В победах вышеопи-
санного корифеев они видят залог собственного
успеха. А мое поведение, моя жизненная линия им
органически противопоказаны. Не хочется признать,
что можно прибрести имя, деньги да к тому же мор-
альный комфорт, брезгливо избегая всяких беско-
свенских игр, отвергая пристрастие дьявола. Это приводит
в ярость, а ярость толкает к доносам. Да, друг мой,
ты поставил себе непосильную цель: прожить
жизнь, оставаясь порядочным человеком. Именно
прожить, а не прятать, последнее куда проще. По-
рядочным человеком ты, Бог даст, останешься, а
вот сможешь ли жить?..

1976 год

Подозрительность, доносы, шпиономания, страх
перед иностранцами, насилие всех видов — для
этого Сталин неизбывлен. То исконные черты русской
истории. Сталин с размахом крупной личности дал
самое полное и завершенное выражение нацио-
нальному гению.

1978 год

Из повести Л. Токарева: «Могилы больших человеческих умов хранят моя родная земля». Что правда,
то правда: земля наша — могила для человеческого ума.

1980 год

Прочел Лимонова. Рекорд побоищины, но не ори-
гинально. Тон и настрой Селина, приемы маркиза
де Сада, лексика подворотни, общественной убор-
ной. Как странно, что все уже было, даже такое. Как
трудно создать что-то совсем новое. Сходным мето-
дом написана книжка Гусарова, только куда бездарней.
Странно, но этот метод я давно предугадал.

1982 год

К обычным страхам (Большой дом, цензура, Гос-
комитет по печати, «Литгазета»), гнусные критиче-
ские бабы) прибавился еще один — пушкинисты. Толь-
ко и слышу: пушкинисты с вас школу сдерут..
Пушкинисты вам покажут!. Хранителями пушкинской славы стали
литературные дубельты и бенкендорфы. Это вполне
по-российски: давят окружающих тем, кто был
символом свободы, независимости.

10 августа 1983 года

Почему я в таком ужасе от «окружающей действи-
тельности»? Разве нынешняя Россия настолько

уже той, какой она была во времена Гоголя, Гер-
цена, Салтыкова-Щедрина? Хуже, конечно, куда
хуже. Россия всегда была страшна. Но во мраке
горели кости, те же Гоголь, Герцен, Салтыков-
Щедрин. Сейчас кости потухли. Сплошной не-
проглядный мрак.

1983 год

В «Известиях» вышло до стыда пресене интервью
со мной, даже та крошащая, микроскопическая осто-
ротца, что была в моем разговоре, вытравлена без
остатка. Заодно я узнал, что начальство не решает-
ся опубликовать мой рассказ «Дети леют из снега»,
напечатанный в свое время в «Вечерке», в ряде моих
книг, в переводах на иностранные языки и экра-
низованный для телевидения. Причем совсем не-
давно его опять показывали. Вот отчего дошло!

1985 год

Любопытно: в России тронуты пытство, значит,
убить литературу. Советскую — во всяком случае.
Всем необъятной «Человеческой комедии» Баль-
зака плюют меньше, чем в одном рассказе Е. Носова,

Из воспоминаний о Галиче

Как-то мы оказались в Ленинграде вместе: Саша,
Булат и я, хотя каждый приехал по своему делу. У
меня в номере началось нескончаемое застолье, что
так любил Саша и не выносил Булат, но терпел, по-
скольку собирались наши общие близкие друзья. Не-
вольно вспоминается строфа Георгия Иванова о ми-
лых приметах Царского Села: «То, что Анненский

я могу объяснить, в чем тут дело».

Недавно мне дали прочесть рукопись мамурной
книги одного умного и одаренного журналиста-уче-
ного (надеюсь, что это станет книгой), где он пишет о своей потрясенной Галичем в те самые
годы, о которых речь идет у меня. Человек шестиде-
сятых годов, он говорит, что любил Окуджаву, но
явился Галич и отнял эту любовь. Ибо Булат Оку-
джава, при всем его таланте и обаянии, выражается
символами, порой не до конца ясными (черный кот,
который в усы умешку прячет), а Галич все называет
своим именем. Его гражданское чув-
ство, мол, куда сильнее и действеннее.

Это не локальная проблема: Окуджава — Галич.
Когда вышел фильм «Покаяние», его многие не при-
знали за иноскательность, «замаскированность»
героя. Надо было делать фильм впрямь о Столине,
а не размывать образ: то ли Столин, то ли Берия, то
ли какой-то диктатор местного масштаба. Но гро-
мадность этого фильма как раз в том, что он дает
всемеленки, на все времена образ деспотизма: от
древних царств и Рима до наших дней, а не разме-
няивается на конкретику-частные судьбы и характеры.

Первый фильм о пережитом апокалипсисе мог
быть только таким. Трагический фильм впрямь о
Столине вообще невозможен, потому что, превра-
щающая жизнь в трагедию, сам Столин не был фигу-
рой трагической. Низкорослый, рябой, сухорукий, косно-
язычный дворцовый интриган с примитивным мыш-
лением и отсутствием душевной жизни — отюда
его ошеломляющее и часто необыкновенное кровожад-
ство — не Макбет и даже не Ричард III — у него не
могло быть такого взлета, как у горбатого хромца,
обольстившего венценосную вдову над могилой уби-
того ими мужа. И о Гитлере не может быть трагиче-
ского произведения, он тянет разве что на сатиру в
духе чаплинского «Великого диктатора». Столин —

Зимой...

Б. Ахмадулина, К. Кулиев, Ю. Нагибин, В. Катаев

страшная, но пошлая фигура. Художественное чутье Абдулазида подсказали ему единственно